

Факторы экономического развития России, Узбекистана и Таджикистана

Бобоев Муталибжон Ракибович

кандидат экономических наук, доцент

Московская академия предпринимательства, Москва, Российская Федерация

E-mail: bmr1958@mail.ru

Исомов Бекмурот Сайфиддинович

кандидат экономических наук, доцент

Бухарский государственный университет, Бухара, Республика Узбекистан

E-mail: relinter@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

устойчивое экономическое развитие, инвестиции, инфляция, трудовая миграция, региональная экономика, Россия, Узбекистан, Таджикистан

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются инвестиции, инфляция и трудовая миграция как ключевые факторы устойчивого экономического развития России, Узбекистана и Таджикистана. Актуальность исследования обусловлена тем, что при общей постсоветской институциональной базе указанные страны демонстрируют различную конфигурацию источников роста, различную степень зависимости от внешних рынков и неодинаковую устойчивость к макроэкономическим и социальным шокам. Проблема исследования состоит в том, что в научной литературе устойчивость развития этих экономик нередко трактуется через отдельные показатели роста, тогда как в действительности она формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов - инвестиционной активности, ценовой динамики и миграционных процессов. Цель статьи заключается в сравнительном определении роли инвестиций, инфляции и трудовой миграции в обеспечении устойчивого экономического развития рассматриваемых стран. Методологическую основу исследования составляют сравнительный, структурно-динамический и институциональный подходы; использованы методы анализа научной литературы, сопоставления экономических моделей и интерпретации современных исследований по проблемам инвестиционной устойчивости, макроэкономической адаптации и международной миграции. Установлено, что для России устойчивость в большей степени определяется возможностями инвестиционной модернизации и поддержанием баланса между ценовой стабильностью и долгосрочным финансированием; для Узбекистана - результативностью институциональных реформ и закреплением инвестиционного роста в производственных секторах; для Таджикистана - снижением зависимости от миграционных трансфертов при одновременном развитии внутренней инвестиционной базы. Сделан вывод о том, что универсальная модель политики устойчивого роста для рассматриваемых стран неприменима, а эффективное государственное регулирование должно учитывать специфику внутренних источников накопления, инфляционных ограничений и роли внешнего рынка труда.

JEL codes: F63, E31, J61, O57

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-4-147-159>

Для цитирования: Бобоев, М.Р. Факторы экономического развития России, Узбекистана и Таджикистана / М.Р. Бобоев, Б.С. Исомов. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 4. – С.- 147-159. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.04.2026)

Введение

Проблематика устойчивого экономического развития сохраняет центральное значение для современной экономической науки, поскольку рост национальной экономики в условиях внешней неопределенности оценивается уже не только по величине валового внутреннего продукта, но и по способности хозяйственной системы воспроизводить накопление, поддерживать занятость, обеспечивать институциональную адаптацию и противостоять внешним ограничениям. Для

государств постсоветского пространства этот вопрос имеет особое значение, поскольку общность исторического опыта не привела к формированию единой модели роста. Россия, Узбекистан и Таджикистан демонстрируют различную структуру источников развития, неодинаковые механизмы адаптации и разную степень зависимости от внешних рынков капитала, труда и товаров [2, 3, 5, 6, 8].

Научная и практическая значимость сравнения указанных стран определяется тем, что они принадлежат к одному макрорегиональному пространству, но обладают различными масштабами экономики, уровнями диверсификации и институциональными возможностями. Россия располагает значительным производственным, инфраструктурным и ресурсным потенциалом, но сталкивается с ограничениями санкционного, технологического и финансового характера. Узбекистан находится в фазе активной институциональной трансформации, в которой инвестиционное расширение стало важным элементом структурной перестройки экономики. Таджикистан отличается сравнительно узкой внутренней производственной базой и высокой зависимостью от внешних доходов, прежде всего от трудовой миграции и денежных переводов [1, 4, 5, 7, 9, 10, 12]. Это означает, что устойчивость роста в каждом случае определяется особым сочетанием внутренних и внешних факторов, а потому требует не общего описания, а сопоставимого аналитического рассмотрения.

Проблема исследования состоит в том, что в значительной части литературы устойчивое развитие трактуется через изолированные характеристики: инвестиционный климат, инфляцию, уровень занятости, миграционные потоки или общую динамику экономического роста. Такой подход полезен для анализа частных процессов, но он не позволяет объяснить, почему сходные по происхождению экономики демонстрируют разные модели устойчивости. В данной статье исходным является положение о том, что устойчивое экономическое развитие формируется в результате действия не одного, а нескольких взаимосвязанных факторов, среди которых ключевое место занимают инвестиции, инфляция и трудовая миграция. Именно их комбинация определяет как воспроизводственную устойчивость экономики, так и глубину ее зависимости от внешних условий.

Цель статьи заключается в сравнительном определении роли инвестиций, инфляции и трудовой миграции в обеспечении устойчивого экономического развития России, Узбекистана и Таджикистана. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: раскрывается значение инвестиций как фактора долгосрочного роста; анализируется влияние инфляции и денежно-кредитных условий на устойчивость развития; рассматривается трудовая миграция как механизм компенсации дисбалансов и одновременно как источник уязвимости; формулируются выводы о различиях моделей устойчивости в трех странах.

Научная новизна исследования состоит в том, что устойчивость экономического развития России, Узбекистана и Таджикистана анализируется не через один преобладающий показатель, а через взаимосвязь трех факторов — инвестиционного, инфляционного и миграционного, — что позволяет выявить различия в механизмах устойчивости и уязвимости внутри единого постсоветского пространства. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные выводы при разработке мер государственного регулирования, ориентированных на инвестиционное стимулирование, ценовую устойчивость и более эффективное управление миграционными процессами.

Материалы и методы решения задачи

Методологическую основу исследования составляют сравнительный, структурно-динамический и институциональный подходы. Сравнительный подход применяется для сопоставления моделей устойчивого развития в трех странах, обладающих сходным историко-институциональным происхождением, но различной современной экономической конфигурацией. Структурно-динамический подход позволяет интерпретировать экономическую устойчивость не как статическое состояние, а как результат длительного взаимодействия инвестиций, ценовой динамики и трудовых перемещений. Институциональный подход используется для оценки

роли государства, качества регуляторной среды и механизмов инвестиционной и миграционной политики.

Эмпирическая база статьи носит аналитико-обзорный характер. В качестве материалов использованы современные научные публикации 2021–2024 гг., посвященные инвестиционной устойчивости российской экономики, государственной инвестиционной политике, макрофинансовой адаптации к внешним ограничениям, современному развитию Узбекистана, институциональным условиям инвестиционной политики Таджикистана и миграционным процессам в Центрально-Азиатском регионе [1–12]. Привлечение именно этих исследований обусловлено тем, что они позволяют рассматривать устойчивость роста не в абстрактной форме, а в контексте конкретных структурных, макроэкономических и институциональных процессов.

В рамках исследования использованы методы анализа научных источников, сопоставления исследовательских подходов и содержательной интерпретации результатов. При анализе инвестиций учитываются не только количественные оценки, но и такие характеристики, как направленность инвестиционных потоков, наличие долгосрочных механизмов финансирования, институциональная обеспеченность проектов и связь инвестиций с производственным обновлением. При анализе инфляции внимание сосредоточено на том, каким образом ценовая динамика влияет на предсказуемость хозяйственной среды, инвестиционные решения и устойчивость внутреннего спроса. В отношении миграции исследуются ее функции в системе воспроизводства рабочей силы, поддержания доходов домашних хозяйств и межгосударственной экономической взаимозависимости.

Выбор показателя для миграционного блока требует специального пояснения. Прямые межстрановые сопоставления по численности трудовых мигрантов затруднены различиями национальных методик учета, поэтому в количественном разделе статьи используется показатель личных денежных переводов, полученных, в процентах к ВВП. Данный индикатор не заменяет собой саму трудовую миграцию, однако позволяет сопоставить ее макроэкономическую значимость для национальных хозяйственных систем, особенно в тех случаях, когда миграция тесно связана с доходами домохозяйств и устойчивостью внутреннего спроса

Отдельным методическим принципом является отказ от универсализации. В статье исходно принимается, что одинаковые инструменты экономической политики могут давать различные результаты в странах с разной структурой накопления, различной степенью открытости и разной ролью внешнего рынка труда. Поэтому интерпретация материала строится не на прямом перенесении моделей из одной страны в другую, а на выявлении того, каким образом один и тот же фактор выполняет разные функции в конкретных экономических системах.

Результаты

Инвестиции как основа долгосрочной устойчивости

Сопоставление российских, узбекских и таджикских исследований показывает, что инвестиционный фактор является базовым для устойчивого экономического развития, однако его содержательная роль в рассматриваемых странах существенно различается. В российском случае инвестиции выступают прежде всего как механизм структурной адаптации экономики к внешним ограничениям. Инвестиционная устойчивость в такой модели связана не только с масштабом вложений, но и с их способностью обеспечивать технологическую модернизацию, поддерживать производственное накопление и снижать зависимость от внешних источников капитала и технологий [2, 3, 6, 8]. Соответственно, устойчивость российской экономики определяется не только доступностью финансовых ресурсов, но и качеством их трансформации в долгосрочные производственные активы.

Для России значимым остается вопрос о ресурсной базе инвестиций. Современные исследования показывают, что при ограничении внешнего финансирования решающее значение приобретают внутренние источники накопления, включая механизмы бюджетной, банковской

и квазибюджетной поддержки, а также институты, способные обеспечивать долгосрочную инвестиционную координацию [2, 3, 6, 8]. В этой связи инвестиционная политика приобретает не вспомогательный, а системообразующий характер, поскольку через нее решается задача поддержания не только темпов роста, но и экономической устойчивости в более широком смысле – как способности хозяйственной системы воспроизводить развитие в условиях структурных шоков.

Для Узбекистана инвестиции играют иную, хотя и не менее значимую роль. В отличие от российской экономики, где инвестиционная проблематика тесно связана с адаптацией к санкциям и ограничению внешних каналов развития, в Узбекистане инвестиционное расширение в значительной степени выступает индикатором институциональной трансформации. Результаты современных исследований свидетельствуют, что рост инвестиционной активности в стране сопровождается изменениями в деловой среде, повышением открытости экономики и стремлением государства превратить инвестиции в инструмент диверсификации и расширения производственного потенциала [5, 10]. Следовательно, устойчивость узбекской экономики зависит не просто от объема привлекаемого капитала, а от того, насколько инвестиции закрепляются в производственных секторах, способных формировать длительный мультипликативный эффект.

Особое место в узбекской модели устойчивости занимает технологическое и инфраструктурное измерение инвестиций. В работах, посвященных экономическому развитию Узбекистана, подчеркивается, что устойчивый рост не может опираться исключительно на внешнюю открытость и расширение торговли; он требует таких вложений, которые обеспечивают модернизацию транспортной, энергетической и производственной инфраструктуры, а также снижают структурные ограничения, характерные для внутренних рынков страны [5, 7, 10]. Это позволяет сделать вывод о том, что инвестиционный фактор в Узбекистане тесно связан с институциональными реформами и качеством государственной координации экономической трансформации.

Экономика Таджикистана демонстрирует иную конфигурацию инвестиционного фактора. При более ограниченной производственной базе и меньшей внутренней инвестиционной емкости вопросы управления инвестиционным процессом приобретают еще большую значимость. Исследования, посвященные государственной инвестиционной политике Таджикистана, подчеркивают, что для страны критически важны институциональные механизмы отбора, сопровождения и реализации инвестиционных решений, поскольку слабость внутренних источников накопления не позволяет рассчитывать на автоматическое развертывание устойчивого роста [9, 12]. В данных условиях роль государства усиливается, а инвестиционная политика становится инструментом восполнения структурных дефицитов развития.

Однако именно в таджикском случае наиболее отчетливо проявляется проблема разрыва между инвестициями как потенциальным фактором роста и инвестициями как реально действующим механизмом устойчивости. При ограниченной промышленной базе и сравнительно высокой зависимости от внешних доходов приток капитала сам по себе еще не гарантирует устойчивого расширения внутреннего производства. Для того чтобы инвестиции выполняли воспроизводственную функцию, необходима институциональная среда, обеспечивающая их связь с инфраструктурой, энергетикой, производственной кооперацией и формированием новых рабочих мест внутри страны [9, 12]. Следовательно, в Таджикистане устойчивое развитие определяется не только наличием инвестиций, но и их институциональным качеством.

На рис. 1 представлена динамика инвестиций в основной капитал в России, Узбекистане и Таджикистане. Из рисунка видно, что российская инвестиционная динамика в 2010–2024 гг. выглядит наиболее стабильной: от 20,7 до 27,1% ВВП. Такая траектория свидетельствует о наличии устойчивого инвестиционного ядра, однако сама по себе стабильность не означает отсутствия структурных проблем. Скорее она показывает, что для России ключевым вопросом остается не столько наращивание объема инвестиций, сколько повышение их технологической и отраслевой результативности.

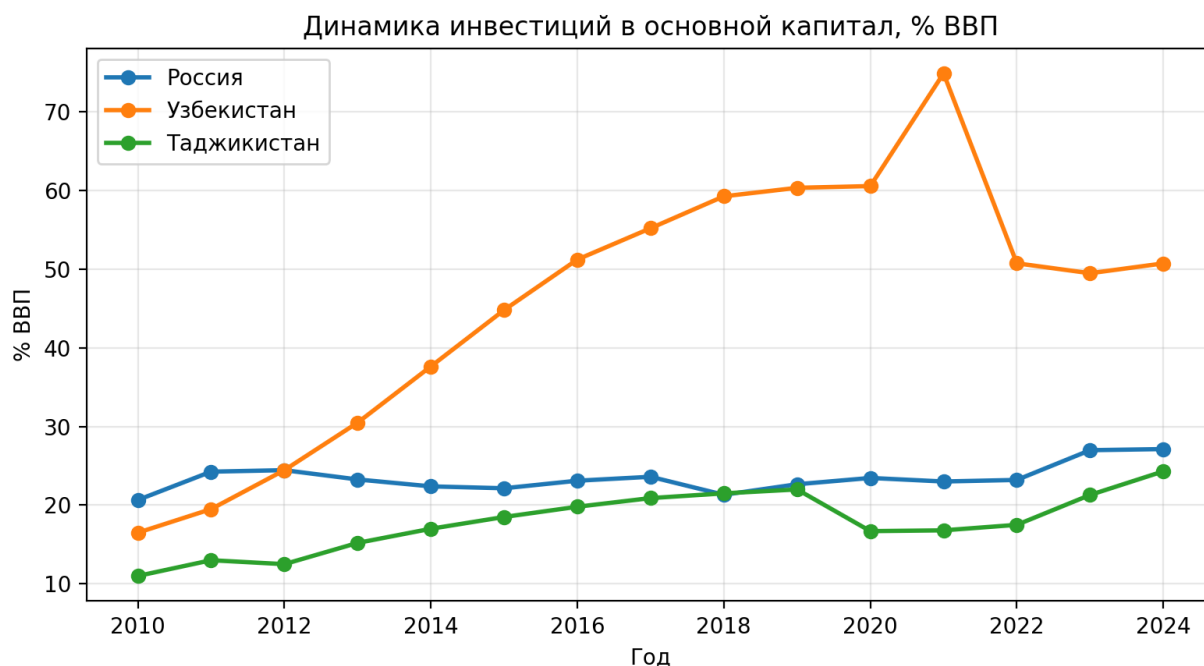

Рисунок 1 – Динамика инвестиций в основной капитал в России, Узбекистане и Таджикистане, % ВВП

Источник: World Development Indicators // The World Bank DataBank : официальный сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.05.2026).

Как было отмечено выше, для Узбекистана инвестиционный фактор имеет иное функциональное содержание. Здесь инвестиции одновременно выступают и ресурсом роста, и индикатором качества институциональных реформ. Динамика инвестиций в основной капитал показывает, что в 2010–2021 гг. республика прошла фазу интенсивного инвестиционного наращивания: показатель увеличился с 16,5 до 74,9% ВВП, а затем стабилизировался около 50% ВВП в 2022–2024 гг. Это свидетельствует о переходе от этапа форсированного расширения к этапу закрепления инвестиционной активности в более устойчивом режиме.

Для Таджикистана, напротив, инвестиционная динамика была более умеренной: показатель вырос с 11,0% ВВП в 2010 г. до 24,3% ВВП в 2024 г., что отражает постепенное усиление инфраструктурной и энергетической направленности вложений, но одновременно показывает ограниченность внутренней инвестиционной емкости [9, 12].

Инфляция как ограничитель и индикатор устойчивости

Вторым фактором устойчивого экономического развития выступает инфляция. Ее значение не сводится к формальной оценке темпов роста цен. В действительности инфляция влияет на устойчивость через несколько каналов: она определяет предсказуемость хозяйственной среды, влияет на стоимость заемных ресурсов, формирует условия для долгосрочного планирования и воздействует на внутренний спрос. Поэтому анализ устойчивости без учета инфляционного фактора оказывается неполным.

Для России инфляция имеет особенно важное значение, поскольку она непосредственно связана с денежно-кредитной политикой и, следовательно, с условиями долгосрочного финансирования¹. В современной научной литературе инвестиционная устойчивость российской экономики все чаще рассматривается через призму макрофинансовых ограничений: с одной стороны, ценовая стабильность необходима для сохранения доверия к финансовой системе и

¹ См. подробнее Бобоев М.Р. Результаты таргетирования инфляции в России и в мире. журнал Теоретическая экономика, 2026, №2, с. 27-36.

долгосрочному планированию; с другой - чрезмерно жесткие денежные условия могут ограничивать инвестиционную активность и тем самым подрывать фундамент устойчивого роста [3, 6]. Отсюда вытекает важный вывод: в российской модели устойчивого развития инфляция должна оцениваться не изолированно, а в связи с влиянием на инвестиции и структурное обновление.

Для Узбекистана инфляционный фактор тесно связан с процессами реформирования. Расширение рыночных механизмов, изменение ценовых пропорций, активизация внешнеэкономических связей и структурная перестройка закономерно сопровождаются изменением инфляционной среды. В этих условиях устойчивость развития зависит не от механического подавления ценовой динамики, а от способности удерживать ее в управляемых пределах без разрушения инвестиционных стимулов [5, 10]. Иными словами, инфляция в переходной и реформируемой экономике выступает одновременно и как индикатор макроэкономических дисбалансов, и как отражение изменений в хозяйственной структуре.

В случае Таджикистана инфляционные риски усиливаются спецификой внутреннего рынка. Ограниченность производства, высокая импортная составляющая потребления и сравнительно узкая база накопления означают, что ценовая стабильность в значительной степени зависит от факторов, находящихся за пределами внутренней экономики. Это придает инфляции в Таджикистане более выраженный внешний компонент. Соответственно, ее устойчивое сдерживание невозможно без развития внутреннего производства и постепенного уменьшения структурной зависимости от импорта [9, 12]. Тем самым инфляционный фактор оказывается тесно связан с инвестиционной политикой: без инвестиционного расширения в базовых секторах экономики борьба с инфляцией носит ограниченный характер и не приводит к устойчивому результату.

На рис. 2 показана динамика инфляции в России, Узбекистане и Таджикистане.

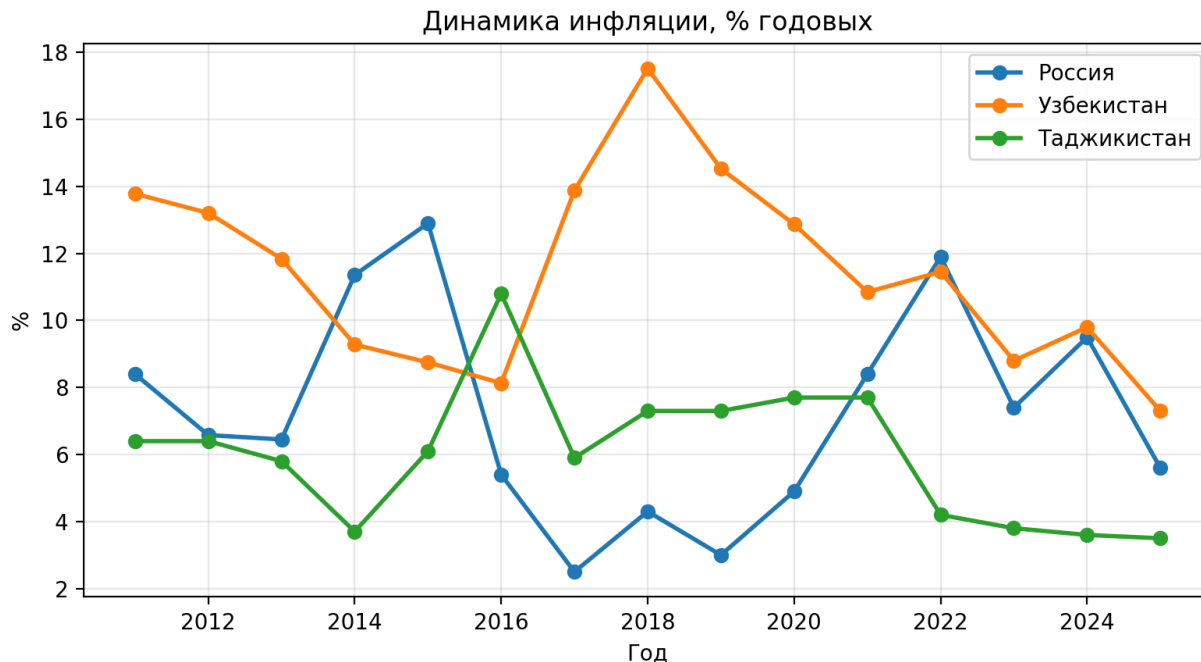

Рисунок 2 – Динамика инфляции в России, Узбекистане и Таджикистане, % годовых

Источник: World Development Indicators // The World Bank DataBank : официальный сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.05.2026).

Данные по инфляции за 2011–2025 гг. показывают, что наиболее выраженная ценовая волатильность наблюдалась в России и Узбекистане, однако ее природа была различной. В России максимум пришелся на 2015 г. (12,9%), после чего последовал период снижения, а затем новый рост в 2021–2024 гг. В Узбекистане инфляция длительное время оставалась двузначной или близкой к ней, а пиковое значение за рассматриваемый период наблюдалось в 2018 г. (17,52%), что отражало

влияние реформируемой ценовой среды и институциональной трансформации. Таджикистан на этом фоне демонстрировал сравнительно умеренную инфляцию, хотя и не лишенную отдельных всплесков, как в 2016 г. (10,8%). Следовательно, инфляционный фактор в трех странах имеет различное содержательное значение: для России он тесно связан с условиями финансирования инвестиций; для Узбекистана — с реформированием хозяйственной системы; для Таджикистана — с ограниченностью внутреннего рынка и зависимостью от внешних ценовых каналов.

Таким образом, во всех трех странах инфляция выступает не только как макроэкономический индикатор, но и как фактор, определяющий границы устойчивого роста. Для России ключевым становится баланс между ценовой стабильностью и инвестиционным развитием, для Узбекистана - сочетание антиинфляционной политики с институциональными реформами, для Таджикистана - связь инфляционной устойчивости с расширением внутреннего предложения и уменьшением внешней уязвимости.

Трудовая миграция как фактор адаптации и зависимости

Третьим исследуемым фактором является трудовая миграция². Ее роль в рассматриваемых странах принципиально различается, что позволяет рассматривать миграционный фактор как один из наиболее чувствительных индикаторов различий между моделями устойчивого развития. Для России миграционные потоки из Центральной Азии выступают прежде всего как механизм компенсации дефицита рабочей силы. В условиях демографических ограничений, территориальной неравномерности спроса на труд и высокой потребности в работниках в ряде отраслей миграция способствует поддержанию текущего функционирования отдельных сегментов экономики [1, 4]. Следовательно, для российской экономики миграция выполняет адаптационную функцию и повышает гибкость рынка труда.

Вместе с тем миграционный фактор для России не является нейтральным. Он требует развитых механизмов регулирования, поскольку устойчивость рынка труда определяется не только численностью прибывающих работников, но и качеством их интеграции, территориальным распределением, правовым режимом занятости и согласованностью миграционной и экономической политики [1, 4]. Современные исследования подчеркивают, что миграция может поддерживать экономическую устойчивость лишь в том случае, если регулируется как часть общей стратегии рынка труда, а не как автономный поток внешней рабочей силы.

Для Таджикистана трудовая миграция имеет намного более глубокое значение. Здесь она связана не только с трудоустройством населения за пределами страны, но и с поддержанием потребления, доходов домохозяйств и социальной стабильности. Внешние миграционные доходы фактически становятся одним из элементов внутреннего воспроизводственного механизма. Это позволяет смягчать ограниченность внутреннего рынка труда и частично компенсировать слабость национальной производственной базы. Однако такая модель создает и структурную зависимость: устойчивость экономики оказывается связанной с состоянием внешних рынков труда, а также с изменениями в миграционной политике принимающих государств [1, 4, 9, 12].

Именно поэтому трудовая миграция для Таджикистана выступает двойственным фактором. С одной стороны, она снижает давление на внутренний рынок труда и обеспечивает приток средств в домашние хозяйства. С другой стороны, она ограничивает стимулы к внутренней структурной перестройке, если становится долговременным компенсатором недостатка рабочих мест и низкой инвестиционной активности. В такой ситуации экономическая устойчивость приобретает зависимый характер: она поддерживается не внутренним накоплением и развитием внутреннего производства, а внешними доходами, поступление которых не полностью контролируется национальной экономической политикой.

Для Узбекистана миграция также сохраняет существенное значение, однако ее роль

² См. подробнее Бобоев М.Р. *Экономические аспекты миграции из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, Общество и экономика*, 2025. № 10. С. 76–87.

постепенно трансформируется. Если ранее она в большей степени выступала механизмом снятия избыточного предложения рабочей силы, то в современных условиях она сосуществует с более активной инвестиционной и институциональной динамикой [5, 10]. Это означает, что миграция перестает быть единственным компенсатором внутренних ограничений и все в большей мере встраивается в более сложную модель развития, в которой возрастает значение внутренних рабочих мест, инфраструктурных инвестиций и производственного расширения. Для устойчивости узбекской экономики важно именно это изменение: чем сильнее внутренние источники занятости и накопления, тем ниже зависимость от внешней трудовой компенсации.

Количественно сопоставить макроэкономическую значимость внешней трудовой миграции позволяет использование показателя личных денежных переводов, полученных, в процентах к ВВП позволяет. Представленная в табл. 1 динамика за 2022–2024 гг. показывает резкое различие между странами.

Таблица 1 – Личные денежные переводы, полученные, как прокси значимости трудовой миграции, % ВВП

Год	Россия, % ВВП	Узбекистан, % ВВП	Таджикистан, % ВВП
2022	0.15	20.63	49.9
2023	0.34	17.71	38.42
2024	0.09	14.42	47.89

Источник: World Development Indicators // The World Bank DataBank : официальный сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.05.2026).

Примечание: показатель используется как межстрановой макроэкономический прокси значимости внешней трудовой миграции.

Для России этот показатель остается минимальным: 0,15% ВВП в 2022 г., 0,34% в 2023 г. и около 0,09% в 2024 г. Это подтверждает, что Россия в рассматриваемом миграционном контуре выступает прежде всего страной притяжения рабочей силы, а не экономикой, устойчивость которой зависит от входящих переводов. Для Узбекистана денежные переводы сохраняют значимую, но снижающуюся роль: с 20,63% ВВП в 2022 г. до 14,42% ВВП в 2024 г. Для Таджикистана ситуация остается иной: показатель составил 49,9% ВВП в 2022 г., 38,42% в 2023 г. и 47,89% в 2024 г., что демонстрирует крайне высокую включенность миграционных доходов в воспроизводство национальной экономики.

Регионально-экономическое измерение устойчивости

Сравнение трех стран позволяет выделить еще один важный аспект - регионально-экономическую взаимосвязанность их моделей развития. Россия, Узбекистан и Таджикистан существуют не изолированно, а в рамках общего евразийского пространства, где инвестиции, инфляция и миграция приобретают трансграничный характер. Российский рынок труда оказывает прямое влияние на доходы и занятость в Таджикистане и Узбекистане; инвестиционная и торговая активность Узбекистана меняет конфигурацию региональной конкурентоспособности; институциональные ограничения и возможности Таджикистана отражаются на характере включения республики в более широкие хозяйственные цепочки [1, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12].

С точки зрения региональной экономики это означает, что устойчивость развития должна анализироваться не только в национальном, но и в межстрановом измерении. Так, повышение инвестиционной активности в Узбекистане влияет на внутренний рынок труда и тем самым меняет соотношение между внутренней занятостью и внешней миграцией. Сохранение дефицита рабочих рук в России усиливает спрос на миграцию из Центральной Азии и формирует дополнительный внешний контур воспроизводства для соседних экономик. Таджикистан, в свою очередь, остается наиболее уязвимым звеном этой системы, поскольку его внутренняя устойчивость в наибольшей мере зависит от внешних каналов поддержки. Следовательно, региональная устойчивость складывается как из совокупности национальных политик, так и из качества межгосударственной

координации.

Из этого следует, что для рассматриваемых стран устойчивое развитие не может быть обеспечено исключительно внутренними мерами. Необходим учет региональной взаимозависимости в сфере рынка труда, инвестиций, транспортно-логистических связей и производственной кооперации. В прикладном плане это означает, что государственная политика должна учитывать не только национальные приоритеты роста, но и то, каким образом внутренние решения отражаются на партнерах по региону. Для России это особенно важно в контексте миграционной политики; для Узбекистана - в контексте инвестиционной и экспортной стратегии; для Таджикистана - в контексте перехода от внешне зависимой модели воспроизводства к более устойчивой внутренней базе развития.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что устойчивое экономическое развитие России, Узбекистана и Таджикистана не может быть объяснено через единый универсальный набор условий. Выдвинутая гипотеза о том, что устойчивость в рассматриваемых странах определяется различным сочетанием инвестиционных, инфляционных и миграционных факторов, в целом подтверждается. При общей исторической и институциональной основе каждая из стран демонстрирует собственный механизм сочетания факторов роста и факторов уязвимости.

Для России инвестиции оказываются центральным условием устойчивости, поскольку без модернизации производственной базы невозможно ни поддержание конкурентоспособности, ни снижение технологической зависимости. Инфляция здесь выступает важным ограничителем, но ее значение должно оцениваться через воздействие на инвестиционные возможности. Миграция имеет компенсирующий характер, поддерживая сегменты рынка труда, испытывающие дефицит рабочей силы. Следовательно, устойчивость российской экономики зависит от того, насколько удастся объединить инвестиционную модернизацию, умеренную инфляционную среду и управляемое использование внешних трудовых ресурсов [1–4, 6, 8].

Для Узбекистана ключевым условием устойчивости выступает сопряжение инвестиционной активности и институциональных реформ. Здесь инфляция является сопутствующим фактором трансформации, а миграция постепенно становится менее определяющей по мере укрепления внутренних источников роста. Это означает, что устойчивость узбекской модели определяется не одним ведущим фактором, а качеством их сочетания. Если инвестиционный рост закрепляется в производственном секторе, а институциональные изменения повышают эффективность использования ресурсов, зависимость от внешней миграционной компенсации объективно снижается [5, 7, 10].

Для Таджикистана, напротив, миграция пока остается структурообразующим элементом устойчивости, но именно это свидетельствует о недостаточности внутренних оснований развития. Главная задача экономической политики здесь состоит не в сохранении самой миграционной модели, а в создании инвестиционных, организационных и производственных условий для снижения зависимости от нее. Без расширения внутреннего инвестиционного контура и увеличения роли внутренних рабочих мест устойчивость будет носить уязвимый и производный характер [9, 12].

Ограничения проведенного исследования связаны прежде всего с его аналитико-обзорным характером. В статье не ставилась задача эконометрической оценки влияния рассматриваемых факторов; акцент был сделан на сопоставлении современных научных подходов и на интерпретации различий в моделях устойчивости. Кроме того, в исследование не были специально включены такие факторы, как экспортная специализация, бюджетная политика, демографическая динамика и технологическая структура отраслей, которые также оказывают существенное воздействие на устойчивое развитие. Тем не менее сравнительный анализ инвестиций, инфляции и миграции позволяет достаточно отчетливо выявить основные линии различий между экономиками России, Узбекистана и Таджикистана.

Практическое применение полученных результатов может заключаться в уточнении приоритетов государственного регулирования. Для России это означает усиление мер по поддержке инвестиционной модернизации и развитию внутренних источников долгосрочного финансирования. Для Узбекистана - обеспечение большей отраслевой и технологической результативности инвестиционных потоков. Для Таджикистана - развитие институциональных механизмов инвестиционной политики и снижение системной зависимости от миграционных доходов. Перспективным направлением будущих исследований является более строгая количественная проверка выявленных зависимостей, в том числе на основе панельных данных и сопоставления большего числа постсоветских экономик.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих теоретическое и прикладное значение.

Во-первых, устойчивое экономическое развитие России, Узбекистана и Таджикистана определяется различным соотношением инвестиций, инфляции и трудовой миграции. Универсальный набор условий устойчивого роста для этих стран отсутствует, поскольку каждая из них опирается на собственную комбинацию внутренних и внешних факторов.

Во-вторых, для России основным условием устойчивости выступает инвестиционная модернизация, способная обеспечивать структурную адаптацию экономики в условиях внешних ограничений. При этом инфляция является не только показателем макроэкономической стабильности, но и фактором, влияющим на доступность долгосрочного финансирования.

В-третьих, для Узбекистана ключевое значение имеет институционально поддерживаемое инвестиционное расширение. Устойчивость здесь зависит от того, насколько результаты реформ воплощаются в росте производственных и инфраструктурных инвестиций и снижают зависимость экономики от ограниченного круга источников роста.

В-четвертых, для Таджикистана решающее значение сохраняет проблема несоответствия между высокой ролью трудовой миграции и слабостью внутренних источников накопления. Следовательно, важнейшей задачей становится усиление государственной инвестиционной политики и развитие внутренней производственной базы, способной постепенно снижать зависимость от внешних трансфертов.

В-пятых, миграция в исследуемом макрорегионе выполняет не только социально-экономическую, но и системную функцию: она связывает рынки труда, доходы домохозяйств и межгосударственные экономические отношения России, Узбекистана и Таджикистана. Поэтому ее регулирование должно рассматриваться как часть более широкой политики устойчивого развития, а не как изолированная мера рынка труда.

Таким образом, устойчивое развитие рассматриваемых стран возможно лишь при условии дифференцированного государственного регулирования, учитывающего специфику внутренних источников роста, характер инфляционных ограничений и степень зависимости от внешнего рынка труда. Именно такой подход позволяет перейти от краткосрочной адаптации к долгосрочной модели устойчивого экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинич Л. В. Современные подходы к регулированию миграции в России: цифровизация, интеграция и международное сотрудничество // Экономика и социум: современные модели развития. 2024. Т. 14. № 4. С. 317–328. DOI: 10.18334/ecsoc.14.4.122162. EDN: FRQOXW.
2. Иваненко О. Б., Шадрина М. Д. Инвестиционная политика региона как фактор устойчивого социально-экономического развития // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 5. С. 1863–1878. DOI: 10.18334/erpp.14.5.120841. EDN: ВТРQTR.
3. Кириченко И. А., Смирнов А. В. Инвестиционная устойчивость российской экономики // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 4. С. 863–886. DOI: 10.18334/ecsec.7.4.120854. EDN: VHJXBY.
4. Махмудова М. М., Ефремова В. В. Международная трудовая миграция в Россию в условиях кадрового дефицита в экономике: анализ современных тенденций // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13. № 1. С. 44–49. DOI: 10.12737/2305-7807-2024-13-1-44-49.
5. Петросьян А. Р. Особенности современного экономического развития Республики Узбекистан // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 8. С. 97–111. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-97-111.
6. Рожковская Е. А. Макрофинансовые и инвестиционные условия структурной адаптации экономики к внешним вызовам и санкционным ограничениям // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 9. С. 2331–2354. DOI: 10.18334/ecsec.7.9.121675. EDN: SKMUPD.
7. Серова В. А., Серова Н. А. Методические аспекты оценки эффективности региональной инвестиционной политики // Фундаментальные исследования. 2021. № 1. С. 95–99. DOI: 10.17513/fr.42956.
8. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Государственная инвестиционная политика как инструмент преодоления угроз национальной экономической безопасности, вызванных антироссийскими санкциями // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 7. С. 747–762. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-7-747-762. EDN: НТJWFJ.
9. Холбобоев Ф. С. Институциональные основы управления и проблемы развития государственной инвестиционной политики (структура управления, реформы, проблемы, рекомендации) // Вестник ТГУПБП. 2024. № 1. С. 95–110. EDN: LHNXCВ.
10. Чепель С. В. Инвестиционно-технологические и социальные аспекты в моделировании перехода к низкоуглеродному развитию: пример Узбекистана // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5(194). С. 153–168. DOI: 10.47711/0868-6351-194-153-168.
11. Nawaz F., Kayani U., Aysan A. F. Nexus between foreign remittances and poverty alleviation: Empirical investigation of Tajikistan from Central Asia // Cogent Social Sciences. 2023. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.1080/23311886.2023.2275554.
12. Nurashewa K. K., Shalabayev I. I., Abdikerimova G. A., Kulanova D. A., Mergenbayeva A. T. Capital inflow and investment attractiveness of Central Asian countries (on the example of Kazakhstan) // Regional Science Policy and Practice. 2024. Vol. 16. Iss. 9. Art. 100039. DOI: 10.1016/j.rspp.2024.100039.
13. World Development Indicators // The World Bank DataBank : официальный сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.05.2026).
14. Рахимзода Ш. М. Совершенствование механизмов государственного регулирования инвестиционной деятельности // Экономика и управление. – 2023. – № 4. – С. 15–28.
15. Рахимзода Ш. М. Управление инвестиционными процессами в трансформационной экономике. – Душанбе: Ирфон, 2024. – 320 с.
16. Исомов Б.С. Экономический механизм инвестирования в условиях формирования рыночных отношений. Бухара. Хамд принт. 2022 г. 147 с.
17. Иванов И.И. Финансово-кредитное стимулирование аграрного сектора: монография. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 256 с.

18. Саттаров Р. Структурные дисбалансы экономики Узбекистана. Ташкент. 2019. -207 с.
19. Чиналиев У. К. Инвестиционная политика и экономическое развитие Кыргызстана. Бишкек. Илим, 2010. — С. 84–87.
20. Черненко И.М., Тянь А.Ю., Кельчевская Н.Р., Пельмская И.С. Стратегии инвестирования в технологическое развитие и человеческий капитал в условиях цифровизации экономики: монография / – Москва : Первое экономическое издательство, 2023. – 268 с.
21. Кузнецова Н.С. Система инвестиционного обеспечения регионов: анализ и перспективы. – Новосибирск: СО РАН, 2022. – 310 с.
22. Ростоу В.В. Стадии экономического роста (Перевод с английского В. П. Марченко) издательство Фредрика А. Прегер Нью-Йорк. 1961 год. – 362 с.
23. Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985. Том 1. - 513 с.
24. Шарп У.Ф., Гордрн Дж. Александр, Джеффри В. Бэйли. Инвестиции. (перевод с английского). М. Издательский дом «ИНФРА-М»1999. С.1
25. Nikiforos T. Laopodis. Understanding Investments. Theories and Strategies. Second edition. Routledge. London. 2021, 607 page.
26. Шумпетер Й. The Theory of Economic Development. Harvard University Press. 1934. С. 128–150
27. Питерская Л.Ю. Инвестиционная деятельность в отраслях региона: вопросы теории и практики: монография / Л.Ю. Питерская, И.В. Погодаева, С.Е. Шиянов; Сев.-Кав. соц. ин-т. – Ставрополь, 2007. – 352 с.

Factors of economic development in Russia, Uzbekistan, and Tajikistan

Boboev Mutalibzhon Rakibovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russian Federation
E-mail: bmr1958@mail.ru

Isomov Bekmurot Saifiddinovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Bukhara State University, Bukhara, Republic of Uzbekistan
E-mail: relinter@mail.ru

KEYWORDS

sustainable economic development, investment, inflation, labour migration, regional economy, Russia, Uzbekistan, Tajikistan

ABSTRACT

The article examines investment, inflation and labour migration as key factors of sustainable economic development in Russia, Uzbekistan and Tajikistan. The relevance of the study is determined by the fact that, despite a common post-Soviet institutional background, these countries demonstrate different structures of growth sources, different degrees of dependence on external markets and unequal resilience to macroeconomic and social shocks. The research problem lies in the fact that sustainability is often interpreted through isolated growth indicators, while in reality it is shaped by a combination of interrelated factors, including investment activity, price dynamics and migration processes. The purpose of the paper is to identify, compare and interpret the role of investment, inflation and labour migration in ensuring sustainable economic development in the three countries under consideration. The methodological basis includes comparative, structural-dynamic and institutional approaches; the paper relies on analysis of contemporary academic literature devoted to investment sustainability, macro-financial adaptation and international migration in post-Soviet and Central Asian contexts. It is shown that in Russia sustainability depends primarily on investment-based modernization and the balance between price stability and long-term financing; in Uzbekistan it is associated with the effectiveness of institutional reforms and the consolidation of investment growth in productive sectors; in Tajikistan it depends on reducing reliance on migration transfers while strengthening the domestic investment base. The paper concludes that no universal model of sustainable growth policy can be applied to all three countries, and that public regulation should take into account country-specific combinations of internal accumulation sources, inflation constraints and labour-market interdependence.
